

Сдохнуть можно

Инсталляция Ирины Наховой
в Третьяковке

Коммерсант - 2003 - 20 окт - с. 22.

выставка современное искусство

В Зале актуального искусства Государственной Третьяковской галереи открылась выставка Ирины Наховой «Репетиция». Мультимедийная инсталляция, сделанная с тем качеством и элегантностью, которых мы вправе ожидать от художницы, давно живущей в США, посвящена самой неизбывной из тем мирового искусства — смерти. Вспомнить о смерти пришлось ИРИНЕ КУЛИК.

На полу темного зала рядами расположились лайтбоксы, напоминающие могильные камни или гробницы святых и королей в средневековых соборах. В каждой маленькой, размером с детский гробик, гробнице-лайтбоксе заключена фотография. Различные персонажи, друзья и коллеги художницы сняты в одинаковой позе — позе «Мертвого тореадора» Эдуарда Мане. Ирина Нахова полагает, что это один из самых опознаваемых стереотипов «последней позы», обыгрыванию которой посвящены бесчисленные произведения искусства. На ряды единообразно драматически «умирающих» со слайда на стене взирают две горделиво безмятежные, в пене белых кружев и солнечного света, красотики на балконе с другого полотна того же Эдуарда Мане.

Размышления о связи искусства со смертью и бессмертием — столь классическая тема, что при виде инсталляции Ирины Наховой мысль тренированно бежит по хорошо знакомому маршруту. Можно вспомнить Андре Базена с его теорией «комплекса мумии», лежащего в основе всего искусства, чья первичная цель — защититься от времени, искусственно закрепив телесную видимость существа. Или, благо речь идет о фотографии, Ролана Барта, рассуждавшего о том, что на снимке мы видим себя такими, какими другие увидят нас после нашей смерти. Можно поразмышлять о том, что в инсталляции «Репетиция» произведение искусства и зритель поменялись местами и теперь не живой и смертный зритель

созерцает давно умерших персонажей, запечатленных на бессмертном шедевре, но само произведение злорадно взирает на наши бренные останки из своего сиятельного бессмертия. Можно расшифровать название и заключить, что, поскольку любая художническая деятельность есть поиски бессмертия, то художник, стремящийся создать произведения, которые переживут его, вынужден постоянно репетировать собственную смерть. В конце концов, можно договориться даже до того, что только смерть рано или поздно уравнивает классиков и ныне живых и сомневающихся в своем статусе художников.

Все ассоциативные ходы рано или поздно приводят к тому или иному почтенному общему месту. В стерильной инсталляции Ирины Наховой не нашлось места разве что для не менее расхожего кладбищенского юмора. Герои ее снимков репетируют собственную смерть и собственное бессмертие с поистине убийственной серьезностью. Впрочем, смысл «Репетиции» столь ясен и прозрачен, что не стоит тратить время на его расшифровку. Инсталляция слайтбоксами и светящимся в темноте слайдом лаконично-выразительна и без комментариев. А самым за-

вораживающим в экспозиции были зрители, сомнамбулически бродящие в потемках между «могилками», пытаясь опознать тех или иных «усопших». Их мрачные силуэты напоминали то ли плакальчиков, то ли зловещих расхитителей могил, то ли неприкаянных призраков. И в этом непреднамеренном «данс-макабр», исполнителями которого выступила публика, была, пожалуй, некая ирония. Пусть мы прекрасно понимаем всю ту академическую отстраненность, с которой Ирина Нахова трактует тему смерти. Но сама мизансценировка ее инсталляции заставляет нас принимать не позу праздного зрителя, любующегося произведением искусства, но позу скорбящего.

Ирина Нахова превратила картину Эдуарда Мане «Балкон» в сияющий гимн жизни. Рядом в темноте — ее гимн смерти ФОТО ПАВЛА СМЕРТИНА